

А. А. Иванов

Теория малых войн и деятельность британских спецслужб на Русском Севере в 1918 году

В современных условиях становления многополярного мира наравне с интервенциями военными, в которых главным инструментом достижения поставленных целей является армия, т. е. вооруженные силы государства, все большее распространение получают экономические, дипломатические, идеологические, разведывательные формы вмешательства во внутренние дела суверенных стран. В военной теории даже родилось особое понятие — «гибридная война»; под ней обычно понимают «использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических и физических преимуществ, с использованием дипломатических возможностей, оперативных дезинформационных операций, а также электронных и кибернетических операций, военных и разведывательных действий под прикрытием, а иногда и без прикрытия, и экономического давления»¹. Хотя описанные тенденции по большей части свойственны интервенциям XXI в., их истоки кроются все же в конфликтах прошлого. Например, член Международно-правового совета при МИД России В. Котляр справедливо отмечает, что отдельные элементы методики ведения гибридных войн используются в вооруженных конфликтах уже сотни лет². В этом ракурсе изучение опыта

***Иванов Андрей
Александрович***
кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургская
государственная
академия
ветеринарной
медицины
(Санкт-Петербург,
Россия)

интервенций прошлого в значительной степени позволяет выявить наиболее опасные для государства формы внешнего вмешательства, апробированные в различных условиях.

В российской истории подобное вмешательство происходило в период Гражданской войны, сопровождавшейся активной интервенцией сразу нескольких государств; некоторые из них называются потенциальными противниками России и в настоящее время. В частности, одну из ведущих ролей в планировании, подготовке и осуществлении политики интервенции в отношении России в 1918–1919 гг. играли военные и политические лидеры Британской империи. При этом ключевым регионом, где английское вмешательство в политику антибольшевистского движения, по признанию многих историков, было наибольшим, стал Русский Север. Именно в этом регионе ярче всего проявился клубок противоречий между «великими державами» начала XX в. по многим политическим вопросам — от отношения к правительству большевиков до представлений о системе международных отношений после окончания Мировой войны. Собственно, данная территория оказалась в центре внимания английских военных чиновников и сотрудников специальных служб в контексте восстановления Восточного фронта (официально), а также стала плацдармом для атаки на большевизм (неофициально).

Дело в том, что приход большевиков к власти в России в 1917 г. стал для руководства стран Антанты событием не только военно-политическим, но и геополитическим. Планы В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого по дальнейшему распространению революционных идей в Европе в случае их реализации могли серьезно изменить баланс сил на континенте и даже оказать влияние на саму систему международных отношений. Так, по словам члена Военного кабинета, доверенного лица Д. Ллойд-Джорджа генерала Я. К. Смэтса, «угроза масштабного антивоенного движения, сейчас находящая выражение в большевизме, станет более опасной, чем война»³.

В Лондон из РСФСР регулярно поступали отчеты секретной агентуры с крайне пессимистичными прогнозами политической ситуации в Европе. Например, британский разведчик американского происхождения Дж. Д. Херрон 11 ноября 1918 г. представил следующий прогноз: «Большевики повсюду у дверей разбитой европейской цивилизации. Все, что осталось от немецкого золота, попало в их руки. Они собираются ввергнуть бывших австро-венгров в состояние невыносимого и истребительного хаоса. Они ожидают, что этот хаос переберется в Италию и распространится по Франции. Германия может быть обречена на большевистское безумие»⁴. В 1918 г. большевизм действительно стал постепенно превращаться в международное явление — британские разведчики регулярно фиксировали рост радикальных социалистических настроений в различных странах. В начале ноября подобный отчет был составлен о Швейцарии, где распространение революционных идей поддерживалось как большевистским, так и немецким правительствами. По данным разведки, именно из Швейцарии приезжали в соседнюю Австро-Венгрию большевистские агитаторы, призывавшие к свержению монархии. С точки зрения спецслужб, любую крупную забастовку или митинг сторонники советской власти пытались использовать для эскалации социально-политического конфликта и инспирирования революции⁵.

Картина социально-политических процессов в Советской России и вокруг нее была нарисована разведкой несколько однобоко и излишне эмоционально. В результате первоначальные представления высокопоставленных лиц Империи о возможном ходе антибольшевистской кампании были довольно далеки от реальности. Гражданская война в России воспринималась ими не в контексте событий Мировой войны, продолжением которой она в каком-то смысле и была, а, скорее, как война колониального типа. Эту черту верно подметил историк Н. Барон, по словам которого британцы «воспринимали своих русских собратьев по оружию в лучшем случае как энергичных, но своенравных любителей, а в худшем — как самодовольных дилетантов или коварных и полудиких варваров»⁶. При этом Россию английские офицеры характеризовали как «страну, состоящую практически из одних лесов и болот»⁷. И личные наблюдения лишь укрепляли их в этом убеждении.

В частности, летом 1918 г. Первый лорд Адмиралтейства Э. Геддес посетил Кольский полуостров и на основании увиденного там сделал следующие выводы: «Нет никакого правительства; нет никакой организации; нет никакой власти. Центральное Правительство в Москве издает приказы, но никто не исполняет их, если не хочет». После этого он сделал важное замечание: «Я уверен в том, что увиденное мной типично и для других частей России, находящихся под властью правительства Ленина и Троцкого». С точки зрения Первого лорда, для разгрома большевизма было достаточно высадить на Русском Севере десант численностью 8 тыс. чел., меньшая часть из которых (3 тыс.) должна была двигаться по железной дороге от Мурманска в сторону Петрограда, а большая часть (5 тыс.) — занять Архангельск и Вологду, где в дальнейшем необходимо создать 100-тысячную армию из местного населения⁸. Мобилизационные возможности северных территорий ввиду их слабой заселенности по примерным подсчетам не превышали 25 тыс. чел.⁹, так что подобный план был изначально обречен на провал. Даже Министр вооружений (впоследствии — Военный министр) У. Черчилль, признанный сторонник политического прагматизма, в начале кампании искренне полагал, что для разгрома большевиков достаточно, чтобы «20–30 тыс. решительных, сознательных, хорошо вооруженных европейцев... могли бы быстро домчаться по любому из железно-дорожных путей до Москвы и вызвать на бой те силы, которые были против них»¹⁰.

Подобные представления не только свидетельствуют о недостатке у руководства Британской империи достоверной информации о положении дел в РСФСР, но и демонстрируют общее стремление к низведению многогранного социально-политического конфликта между красными и белыми до уровня элементарного военного противоборства двух малочисленных идеологически окрашенных группировок, не обладавших государствообразующим потенциалом и поддержкой населения страны. Подобные убеждения наряду с крайней разобщенностью антибольшевистского движения привели к укоренению в английском военном руководстве представления о Гражданской войне в России как о череде локальных конфликтов (на севере, северо-западе, юге и востоке страны), опыт участия в которых у британской армии был весьма обширен.

В результате идеологической основой для планирования кампании против РСФСР стала концепция *малых войн*. Суть идеи состояла в том, что использование регулярных войск в конфликтах на территории «нецивилизованных» стран было

контрпродуктивно, поэтому в ситуации удаленности от метрополии, слабой инфраструктурой театра военных действий, отсутствия точных карт местности и т. д. едва ли не главным средством достижения победы становится использование разведывательно-диверсионных методов. Эта мысль, зародившаяся в британской военной элите в конце XIX в., была достаточно ярко выражена в книге полковника Ч. Колвелла «Малые войны: их принципы и практика», впервые изданной в 1896 г. По словам автора, «разведка преобладает в малых войнах», поскольку противник не имеет «ни организованного разведывательного ведомства, ни штата постоянных агентов», т. е. наличие эффективных спецслужб — это конкурентное преимущество британских вооруженных сил в локальных конфликтах¹¹.

К началу XX в. Британия имела богатый опыт проведения операций по подавлению антиимперских выступлений в колониях, и сотрудники разведки принимали в этих операциях самое активное участие. Более того, главенствующие роли в руководстве спецслужб занимали как раз профессионалы, сделавшие карьеру в вооруженных конфликтах именно на периферии Британской империи¹². Среди них описанная точка зрения получила широкое распространение после 1915 г., когда Ч. Колвелл возглавил данное ведомство. Сменивший его Дж. МакДонау от этой идеи отнюдь не отказался; разделял данную концепцию и начальник Оперативного отдела Военной разведки полковник Р. А. Стил и его брат — баронет А. Стил-Мэйтланд, руководивший в 1917–1919 гг. разведывательной секцией Департамента внешней торговли.

Концепция Колвелла в 1918 г. оказалась весьма уместной и востребованной, если принять во внимание продолжавшиеся боевые действия в Европе, требовавшие от британской армии напряжения усилий. Даже вышеупомянутый адмирал Э. Геддес связывал основные надежды на организацию в регионе нового фронта именно с созданием надежной разведывательной службы, чьи функции должны были быть намного шире простого сбора информации о передвижениях вражеских войск. Фактически план военной кампании на Русском Севере стал порождением не столько военного командования Британской империи, сколько руководителей ее разведывательного сообщества, ведущую роль среди которых играл вышеупомянутый полковник Р. А. Стил. Разработанный им проект интервенции, изложенный в двух меморандумах, был предложен Кабинету летом 1918 г. после поездки на Мурман адмирала Э. Геддеса, которого полковник сопровождал.

В этих документах Стил констатировал как недостаточность разведданных о положении в регионе (особенно в Финляндии), так и нехватку на Кольском полуострове британских войск для отражения возможного финско-немецкого или большевистского наступления. Для преодоления возникших сложностей полковник рекомендовал не только усилить местный воинский контингент дополнительными войсками союзников, но и установить прямой контроль над «железными дорогами, телеграфом, беспроводной и кабельной связью, цензурской и контрразведывательной службами»¹³. Все это должно было обеспечить успешные оборонительные действия, хотя фактически означало оккупацию Мурманского края (ведь местные власти лишались контроля за важнейшими ресурсами и учреждениями). Более того, к концу сентября 1918 г. Мурманск и Архангельск должны не только находиться в руках союзников, но в этих городах к данному моменту необходимо

сформировать вооруженные силы из русских граждан — 4 тыс. чел. в Мурманске и 20 тыс. чел. в Архангельске.

Таким образом, сотрудники спецслужб получили возможность не только составлять планы военной кампании, но и определять необходимые для выполнения поставленных задач силы и средства, а английские генералы, направленные на Север, были вынуждены оперировать теми ресурсами, которые им выделялись на основании рекомендаций военной разведки. На этом фоне лидирующая роль спецслужб в проведении интервенционной политики на Севере была закреплена специальным распоряжением начальника Генштаба Г. Уилсона, в соответствии с которым подчиненный Р. А. Стила подполковник К. Д. М. Торнхилл (коллеги называли его «фанатичным сторонником интервенции»¹⁴), возглавлявший разведку и контрразведку союзников в регионе, получал право отчетываться о своих действиях непосредственно перед руководством Департамента военной разведки в Лондоне, и ему следовало «предоставить максимальную свободу»¹⁵.

Вскоре после поездки Э. Геддеса и Р. А. Стила на Мурман, а именно 2 июля 1918 г., Высший Военный совет Антанты признает интервенцию в Россию «срочно необходимой». В постановлении Совета содержалось следующее утверждение: «Нет никаких сомнений, что власть большевиков ослабевает. С каждым днем всем классам в России, включая бывших солдат, крестьян и рабочих, становится ясно, что большевики не могут сдержать свои обещания “золотого века” и что власть большевиков ведет лишь к анархии, хаосу и голоду. Все сообщения наших представителей указывают на это. Также известно, что большевики не обладают реальной властью... Им совершенно не удалось создать боеспособную армию. Они остаются у власти только потому, что Россия чересчур разобщена, чтобы создать какую-то альтернативу, способную вытеснить их»¹⁶. На основании этой картины событий в РСФСР было принято решение об отправке союзных войск в Россию, в том числе в Мурманск и Архангельск.

В процитированном отрывке обращает на себя внимание фраза о том, что «все сообщения» указывают на слабость большевиков, рост антибольшевистских настроений и скорый успех интервенции. На самом деле некоторые агенты, работавшие в Архангельске (например, капитан Р. Гаррисон), рекомендовали воздержаться от проведения масштабных военных операций на Севере, так как подобные действия могли лишь усугубить ситуацию¹⁷. Весьма категоричен был и британский консул Д. Янг, предупреждавший руководство в Лондоне, что «не может быть ограниченной интервенции», и военная кампания на Русском Севере не сможет привести к «восстановлению порядка» в регионе, а лишь осложнит отношения с Москвой. Свои соображения он изложил не только в официальных рапортах, но и в статье, опубликованной газетой «Таймс»¹⁸. Вскоре после этого Янгу сообщили, что его дальнейшие попытки вести такую «пропаганду» приведут к немедленной отставке. Тем не менее подобные отчеты игнорировались руководством МИДа и разведывательных служб, что позволяло формировать у руководства страны строго определенную картину событий в РСФСР. По словам исследовательницы А. Дж. Плотке, такое поведение спецслужб «определялось их собственным стратегическим видением того, что распад России угрожал безопасности Империи»¹⁹.

По мере того как в Лондоне подготавливалась почва для принятия официальных решений о начале военного вторжения на советскую территорию, британские силовые ведомства через своих представителей на Севере создавали условия для быстрой реализации этих планов. Летом 1918 г. агенты британских спецслужб: начали перехватывать телеграммы, направляемые в Мурманск из столицы, с целью нарушить связь местных сторонников Советской власти с центральным правительством большевиков; ликвидировали административные органы, признававшие власть Совета Народных Комиссаров (многих радикальных противников сотрудничества с союзниками арестовали и отправили в Печенгскую тюрьму); создали подконтрольный союзникам режим въезда и выезда в Мурманский край. Наконец, английские агенты занимались агитационно-пропагандистской работой, направленной на формирование у российских граждан положительного образа интервентов²⁰. Реализация этих мер, призванных обеспечить лояльность местного населения и администрации англичанам, позволила приступить к подготовке оккупации Архангельска.

В ходе этой подготовки 31 июля союзные войска (англичане и французы) высадились в Онеге. Непосредственное руководство операцией по захвату города осуществляли два офицера британской разведки — подполковник К. Д. М. Торнхилл и капитан Д. Гарстин²¹, хотя это не входило в их прямые обязанности. Данный эпизод показателен, так как в очередной раз подтверждает: именно агенты английских спецслужб, а вовсе не армейские офицеры должны были стать проводниками антибольшевистских планов на Севере. Параллельно с этим разведчики приняли активное участие в создании в Архангельске подпольной антибольшевистской организации, устроившей в городе восстание против Советской власти накануне высадки в порту иностранного десанта. В итоге 2 августа 1918 г. Архангельск был захвачен и в нем создано Верховное управление Северной области (далее — ВУСО) во главе с Н. В. Чайковским. Между частями Красной Армии и антибольшевистскими силами был образован Северный фронт, что ознаменовало вступление Гражданской войны в регионе в активную фазу.

Отправленные в данный регион британские войска в соответствии с планами Э. Геддеса и Р. А. Стила были разделены на две группы, получившие названия «Сайрен» и «Элоуп». Характерно, что лидирующая роль разведывательных служб в реализации политики интервенции была закреплена даже в подборе кадров для этих групп. Из 11 сотрудников штаба «Элоуп» как минимум трое имели непосредственное отношение к спецслужбам: вышеупомянутый подполковник К. Д. М. Торнхилл, майор У. В. Ван Сомерен и майор Л. А. Ноткэтт. Помимо них разведывательный аппарат группы насчитывал еще 18 чел.: 5 штатных агентов, 6 шифровальщиков и 7 переводчиков, а по прибытии в Россию их число должно было еще возрасти.

Показательно также, что и должность право-маршала (по своим функциям право-маршал чем-то напоминал членам белого правительства британских полицмейстеров), занимавшегося расследованием преступлений, совершенных британскими военными служащими, также занял офицер разведки майор Ч. Д. Юниак. Его принадлежность к спецслужбам в документах «Элоуп» отмечена не была, однако в Национальном архиве Великобритании сохранились его отчеты

о разведывательной работе в Камеруне в октябре — декабре 1915 г.²² Помимо Юниака на Север были отправлены под прикрытием и другие агенты. Например, разведчики капитан Дж. А. Хилл и лейтенант Ч. Томлинг фигурировали в документах как боевые летчики, а их коллега капитан А. Проктор — как переводчик. Фактически почти 20 % офицерского состава архангельской группы «Элоуп» (25 чел. из 125) входили в ее разведывательный блок, а по прибытии в Россию их доля в составе группы должна была быть доведена до 27 %²³.

Хотя формально командующим «Элоуп» был генерал-майор Ф. Пуль, контроль над войсками в своих руках сохраняли британские спецслужбы — даже собеседования и инструктаж с офицерами, выбранными для отправки на Север, проводили кадровые сотрудники разведки²⁴. Наконец, именно руководством спецслужб принимались решения о формировании тех или иных воинских подразделений на белом Севере; так, решение о создании в ноябре 1918 г. «эстонской роты» в составе Славяно-британского легиона было принято именно спецслужбами, вопреки мнению сотрудников Министерства иностранных дел²⁵.

Интересно, что военное командование архангельской группировки и ее разведывательный аппарат состояли в основном из хорошо знакомых друг с другом офицеров — большинство из них во время нахождения у власти в России Временного правительства состояли в Британской миссии в Петрограде. В частности, подполковник К. Д. М. Торнхилл был тогда помощником военного атташе, генерал Ф. Пуль — заведующим Секцией военного снаряжения, а подполковник Г. В. Бенет и в Петрограде, и в Архангельске занимался организацией военной цензуры. Бывшие подчиненные названных офицеров также попали в состав «Элоуп» — бригадный генерал Р. Г. Финлейсон (в «Элоуп» — начальник штаба), подполковник П. Бантинг (в «Элоуп» — генерал-квартирмейстер), майор Л. А. Ноткэтт, а также разведчики Д. Гарстин, А. Ф. Хилл, Л. П. Ходсон, У. А. Герхарди и др.²⁶ В России они находились с 1916–1917 гг., воочию наблюдали весь ход революционного процесса и были не понаслышке знакомы с российской действительностью.

Следует отметить, что по первоначальной мысли Р. А. Стила, для достижения успеха в *малой войне* на Севере его Отделу было достаточно направить в регион 5 офицеров контрразведки, 9 офицеров разведывательной службы и 12 офицеров, ответственных за цензуру и пропаганду²⁷. На деле же по мере эскалации советско-британского конфликта потребность в опытных кадрах спецслужб постоянно росла, хотя весь смысл операции состоял именно в возможности добиться больших успехов без привлечения масштабных ресурсов. Разведке нужно было найти выход из создавшегося положения своими силами. Проблему попытались решить, направив на службу в Архангельск сотрудников Разведывательного корпуса Великобритании из числа военнослужащих 10-го батальона Королевских фузилеров²⁸ (данная воинская часть была приписана к корпусу), которые на фронтах Первой мировой войны занимались разведкой и контрразведкой, диверсионной деятельностью, шифровальным делом, проводили допросы военнопленных и т. д. Помимо этого для расследования фактов разведывательно-диверсионной деятельности противника на Север были отправлены 19 мобилизованных английских юристов²⁹.

На основании вышесказанного и с учетом имеющихся данных о кадровом составе британских экспедиционных войск можно с уверенностью утверждать, что

в основу кадрового комплектования интервенционных групп «Сайрен» и «Элоуп» были положены три основных принципа:

- 1) наличие опыта агентурной деятельности;
- 2) наличие опыта участия в локальных конфликтах;
- 3) знание русского языка и культуры.

Поскольку основой проведения операции на Севере была *теория малых войн* Ч. Колвелла, сотрудники подбирались с учетом необходимости налаживания взаимоотношений с населением белого Севера для комплектования вооруженных сил, которые бы смогли не только поддержать союзников на фронте, но и развернуть партизанскую войну против большевиков. Знакомство с особенностями театра военных действий и менталитетом местного населения должно было способствовать организации эффективного сопротивления вражеским войскам.

В задачу «Сайрен» и «Элоуп» входила не только охрана Северной области от большевистских, финских и немецких сил, но и создание образца, ориентируясь на который русская администрация по окончании интервенции могла бы строить собственные войска и специальные службы. Естественно, это накладывало дополнительный груз ответственности, который вкупе с ограниченностью ресурсов делал актуальным построение целостной системы, способной сочетать зарубежный военный опыт с традициями российской воинской организации. Подобный синтез, с точки зрения командования интервентов, позволил бы облегчить проведение совместных оборонительных и наступательных операций, а также уберечь армию Северной области от тенденций «демократизации», заложенных в 1917 г.

Аналогичный сценарий в тот же период был использован спецслужбами на Ближнем Востоке и Кавказе против турецкой армии. В частности, управление Разведывательного корпуса Британской империи еще в конце ноября 1917 г. направило на Кавказ капитана Дж. М. Голдсмита для формирования партизанских отрядов, которые должны были заменить терявшие боеспособность русские войска в регионе³⁰. Схожим образом сотрудники каирского разведывательного центра Т. Э. Лоуренс (впоследствии известный как «Лоуренс Аравийский») и К. Корнуоллис смогли использовать арабское восстание 1916–1918 гг. против Османской империи в интересах британской армии³¹.

Для решения вышеназванных задач летом 1918 г. на Русском Севере начался набор добровольцев в Славяно-британский легион (далее — СБЛ) — воинскую часть, где русские солдаты служили под началом иностранных офицеров. С одной стороны, этот формат в точности соответствовал концепции малых войн и учитывал опыт Дж. М. Голдсмита и Т. Э. Лоуренса — он должен был позволить иностранцам лучше ознакомиться со спецификой театра военных действий, а их русским сослуживцам — перенять лучшие черты западной тактики ведения боевых действий. С другой стороны, он был обусловлен распространенным среди британских военных мнением, что «русский солдат великолепен, а офицеры плохи»³². Поначалу удалось сформировать лишь роту численностью 256 чел., но к ноябрю 1918 г. состав легиона удвоился. В него вошли не только пехотные части, но и артиллерийский дивизион, конный отряд, авиационная группа. В связи с международным составом легиона условия службы в нем разнились: для британских подданных, безусловно, они

были значительно привлекательнее, чем для их российских, польских, финских, чешских и китайских сослуживцев.

Так, при поступлении россиян на службу в СБЛ происходило понижение в звании: для младших офицеров — в рядовые, для старших офицеров — в младшие. После прохождения переподготовки по английским стандартам бывшие капитаны, майоры и полковники должны были вновь заслужить право на высокие звания. Наряду с этим большинство британцев, поступавших на службу в эту часть, получали повышение: например, рядовой 7-го полка Западного Ридинга Л. Коллинз в легионе автоматически стал младшим лейтенантом, а лейтенант Королевского Шотландского пехотного полка Р. Гастингс — капитаном³³. Жалование бывших подданных Российской империи было существенно ниже, чем у британцев: например, иностранные летчики в составе легиона получали жалование в размере 1300 руб. в месяц, а русские авиаторы — в пределах 100–350 руб.³⁴, в пехоте же зарплата была еще ниже — всего около 100 руб.

Несмотря на эти обстоятельства, СБЛ стал прибежищем для разных слоев общества: студентов Архангельского политехникума, боевых летчиков, дезертировавших из Красной Армии, врачей. Популярностью он пользовался не столько в связи с желанием воевать под английским командованием, сколько на фоне первых военных преобразований ВУСО. В частности, попытка построить армию на «демократических началах», предпринятая главой Военного отдела С. С. Масловым осенью 1918 г., закончилась срывом мобилизации и бунтами в созданных воинских подразделениях. В таком ракурсе служба в СБЛ казалась представителям антибольшевистского движения вполне разумной и перспективной. Конечно, обеспечение безопасности Северной области силами интернациональных воинских частей, отличавшихся малочисленностью и религиозно-этнической пестротой (одних только китайцев в легионе было более 200), с военной точки зрения не сулило существенных выгод. Британских инструкторов было слишком мало для обучения большого числа военнослужащих, а численность легионеров даже в масштабе Северного фронта казалась недостаточной для решения масштабных задач. На это сразу же по прибытии на Мурман обратил внимание генерал Ч. Мейнард, сделавший заключение, что находившихся в его распоряжении британских офицеров «совершенно недостаточно для решения всех административных сложностей и массы военных и политических проблем»³⁵, которые имелись на белом Севере.

Помимо этого, несмотря на переход власти на Севере в руки ВУСО, приступившего к формированию собственного аппарата военного и гражданского управления, функция обеспечения безопасности региона, как нетрудно догадаться, оказалась в руках иностранных спецслужб. С этой целью на Севере был создан орган под названием «Союзный военный контроль» (далее — СВК), состоявший из нескольких отделений: английского, французского, американского и бельгийского. Ведущую роль среди них, по признанию очевидцев, играло английское отделение — это подчеркивалось тем обстоятельством, что главой СВК стал неоднократно упоминавшийся выше К. Д. М. Торнхилл. Первоначально задачей ведомства стало очищение Северной области от лиц, «запятнавших» себя сотрудничеством с большевиками: работников советских учреждений, Чрезвычайной комиссии по разгрузке Архангельского порта, бывших красноармейцев³⁶.

Уже в середине августа 1918 г. представители Антанты стали выступать за ликвидацию сохранившихся в Архангельске российских правоохранительных структур³⁷ и монополию СВК на разведывательную и контрразведывательную деятельность. Хотя российские контрразведчики оказали интервентам поддержку в захвате города, от их услуг первоначально планировалось полностью отказаться, создав контрразведку белого Севера по той же схеме, что и Славяно-британский легион — лидирующая роль должна была принадлежать иностранцам, а русские чиновники и военнослужащие находились бы в роли подчиненных. В результате функциями контрразведки оказалась наделена полулегальная организация, в состав которой вошли французский лейтенант Э. Бо (бывший московский коммерсант), мичман К. Л. Окрент (бывший ревизор эскадренного миноносца «Эмир Бухарский»), есаул Самсонов, чиновник Зуевский и капитан Чайников³⁸. Видимо, подобная система должна была позволить иностранным спецслужбам контролировать политическую обстановку на белом Севере, проводя агентурные операции независимо от русских властей.

По мнению белых офицеров, СВК в Северной области «имел значение чисто политическое»³⁹, что вполне подтверждается основными направлениями его деятельности. Стремление британской разведки установить контроль над действиями антибольшевистским правительством проявилось уже в первые месяцы его нахождения у власти. Так, в конце августа 1918 г. представитель спецслужб союзников был вопреки установленным правилам включен в состав Особой следственной комиссии, занимавшейся расследованием деятельности большевиков и их агентов на Севере⁴⁰. А уже в сентябре того же года подчиненные К. Д. М. Торнхилла оказали поддержку группе консервативно настроенных офицеров русской армии, недовольных первыми реформами ВУСО в военной сфере, в совершении переворота. Министры Верховного управления, придерживавшиеся либеральных и социалистических взглядов, были арестованы капитаном 2-го ранга Г. Е. Чаплиным и заключены в Соловецком монастыре. Прикрытие этой операции осуществляли агенты Союзного военного контроля, организовавшие оцепление правительственной резиденции⁴¹.

Причины подобного грубого вмешательства в политическую жизнь региона, как и его инициаторов, однозначно установить вряд ли удастся, поскольку переворот стал результатом целого комплекса противоречий, возникших на Севере после свержения Советской власти. Вполне возможно, что путем переворота британские спецслужбы пытались обеспечить лояльность антибольшевистских сил и соответствие их политического курса планам союзников. При этом весьма характерно, что соответствующее решение было принято без консультации с иностранными дипломатами, прибывшими в Архангельск из Вологды, по требованию которых министры в конечном счете и были освобождены. Иными словами, поддерживая свержение ВУСО, сотрудники спецслужб действовали, исходя из собственного представления о роли и месте белых в интервенции. Причем подобная модель поведения была свойственна английским разведчикам на разных фронтах российской Гражданской войны, — в частности, бывшие сослуживцы К. Д. М. Торнхилла по Военной миссии в Петрограде генерал А. Нокс и капитан Л. Стивени приняли

активнейшее участие в подготовке переворота в Омске, в результате которого к власти в Сибири пришел адмирал А. В. Колчак⁴².

Обращает на себя внимание тот факт, что в официальных отчетах о событиях сентября 1918 г., направленных в Лондон О. Ф. Линдлеем, не было ни малейших упоминаний о роли союзных спецслужб в перевороте в Архангельске. Из донесений следовало, что англичане не только не поддерживали Г. Е. Чаплина, но и всячески препятствовали его противоправным действиям⁴³. Также интересен эпизод, упомянутый в мемуарах В. И. Игнатьева: по его сведениям, офицеров, бежавших на Север от большевиков, по прибытии в Архангельск сторонники Г. Е. Чаплина в принудительном порядке зачисляли в Славяно-британский легион⁴⁴, который, по имеющимся данным, находился под прямым контролем К. Д. М. Торнхилла⁴⁵.

Объяснение этому можно найти в концепции малых войн Ч. Колвелла, согласно которой самостоятельные русские вооруженные силы могли составить конкуренцию иностранным воинским формированиям и лишиться их мобилизационных ресурсов из местного населения. Тем самым создание независимых от Антанты русских войск поначалу в планы разведки не входило, так как это сделало бы ситуацию в регионе гораздо менее управляемой. Лишь в октябре 1918 г. отношение британцев к данной проблеме изменилось. 13 октября полковник Р. А. Стил представил Военному кабинету специальную записку, в которой признал, что «с чисто военной точки зрения дальнейшее пребывание наших сил в России не даст никаких преимуществ»⁴⁶. 31 октября вышел секретный приказ генерала Ф. Пуля, констатировавший, что комплектование Славяно-британского легиона «утратило смысл, и теперь все усилия нужно сконцентрировать на том, чтобы создать и обучить Русскую армию, постепенно вливая СБЛ в ее состав». Правда, в приказе имелось уточнение, что к каждой русской воинской части должен быть приписан иностранный офицер для координации действий с войсками Антанты, так как «высшее руководство неизменно будет в руках союзников», пока антибольшевистские войска не станут сильными, многочисленными и дисциплинированными⁴⁷.

Фактически планы интервенции изначально не учитывали множества факторов, включая реальное социально-экономическое положение северных территорий и возможности РСФСР по отражению нападения. На протяжении 1918 г. северные территории находились под угрозой голода, и решить эту проблему исключительно своими силами белые не могли — надежды в данном вопросе, как правило, возлагались на помощь союзников. Британия оказалась вынуждена взять на себя даже построение финансовой системы белого Севера — активное участие в этом принял впоследствии знаменитый экономист Дж. Кейнс. По имеющимся данным, только за 1918 г. расходы антибольшевистского правительства превысили его доходы почти на 40 млн руб. Компенсировать такой дисбаланс приходилось союзниками, по большей части — англичанам.

Назначение на пост командующего войсками Антанты на Севере генерала Э. Айронсайда 17 ноября 1918 г. ознаменовало собой уход руководства военной разведки от непосредственного управления операцией в регионе. План разведывательной интервенции на Севере был де-факто признан нереализуемым, хотя официальных меморандумов по этому поводу ни Р. А. Стил, ни его коллеги не издавали. Однако, несмотря на неудачу, в дальнейшем британские спецслужбы

неоднократно прибегали к подобным методам управления внутренними вооруженными конфликтами на территории других государств. Уроки 1918 г. для них состояли не в отказе от применения технологий разведывательной интервенции, а в создании методики поиска оптимальных с этой точки зрения регионов.

¹ *Котляр В.* К вопросу о «гибридной войне» и о том, кто же ее ведет на Украине // *Международная жизнь*. 2015. № 8. С. 59.

² Там же. С. 60.

³ *Smuts J. C.* *The League of Nations: A Practical Suggestion*. London, 1918. P. 50–51.

⁴ National Archive of United States (далее — NAUS). RG59. File 763.72119/2880. P. 14–15.

⁵ Public Record Office (далее — PRO). CAB/24/69. P. 58 а, 59–60.

⁶ *Барон Н.* Столкновение Империй: российско-британские взаимоотношения во время интервенции союзников на Севере России, 1918–1919 гг. // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 91.

⁷ PRO. WO/158/714.

⁸ PRO. CAB/24/57. P. 158.

⁹ *Голдин В. И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920 гг. М., 1993. С. 137.

¹⁰ *Черчилль У.* *Мировой кризис*. М.; Л., 1932. С. 156.

¹¹ *Callwell C. E.* *Small Wars: Their Principles and Practice*. Lincoln, 1996. P. 54, 56.

¹² См. об этом: *Plotke A. J.* *Imperial spies invade Russia: The British Intelligence Interventions*, 1918. London, 1993. P. 6.

¹³ PRO. CAB/24/57. P. 160–161a.

¹⁴ *Lockhart R. B.* *Memoirs of a British Agent*. London, 1932. P. 286.

¹⁵ PRO. WO/106/1161.

¹⁶ *Documents of Soviet History*. Vol. 1 / ed. by R. A. Wade. Gulf Breeze, 1991. P. 177, 178.

¹⁷ PRO. CAB/27/189/18.

¹⁸ *Plotke A. J.* *Imperial spies invade Russia...* P. 59–60.

¹⁹ *Ibid.* P. 23.

²⁰ *Свечников М.* Союзническая интервенция на Севере Советской России со 2 июля 1918 по 1 октября 1919 г. // *Кто должник?* / под ред. А. Г. Шляпникова. М., 1926. С. 440–441.

²¹ *Willett R. L.* *Russian Sideshow: America's Undeclared War, 1918–1920*. Virginia, 2003. P. 48–49.

²² PRO. WO/158/563.

²³ По данным из: PRO. WO/106/1151. P. 7–12.

²⁴ *Footman D.* *Civil War in Russia*. London, 1961. P. 168–169; *Lockley A.* *Propaganda and the first cold war in North Russia, 1918–1919* // *History Today*. 2003. Vol. 53. P. 46–53.

²⁵ PRO. FO/371/3342/170305; FO/371/3308/183979.

²⁶ PRO. CAB/24/3. P. 176–178.

²⁷ Imperial War Museum. *Private Papers of Major A. E. Sturdy*. File 73/9/2.

²⁸ PRO. WO/372/24/83236; WO/372/10/16430; WO/372/23/67239.

²⁹ Record of service of solicitors and articulated clerks with His Majesty's forces, 1914–1919. London, 1920. P. 85, 163, 169, 196, 240–241, 256, 309, 317, 330, 377, 467, 501, 564, 576, 578–579, 589, 599, 605.

³⁰ *Sheffy Y.* *British Military Intelligence in the Palestine Campaign, 1914–1918*. Midsomer Norton, 1998. P. 156; *Millman B.* *Pessimism and British War Policy, 1916–1918*. London, 2001. P. 234.

³¹ *Mohs P. A.* *Military Intelligence and the Arab Revolt: The First Modern Intelligence War*. London, 2008; *Satia P.* *Spies in Arabia: The Great War and the Cultural Foundations of Britain's Covert Empire in the Middle East*. Oxford, 2008.

³² *Марушевский В. В.* *Белые в Архангельске* // *Гражданская война в России: война на Севере*. М., 2004. С. 154.

- ³³ PRO. WO/372/9/80466; WO/372/4/212948.
- ³⁴ Куликов В. Славяно-британский авиакорпус на Севере России // Авиамастер. 1999. №1. С. 9–15.
- ³⁵ Maynard C. M. M. The Murmansk Venture. London, 1928. P. 16.
- ³⁶ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 40311. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–51.
- ³⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 378. Оп. 1. Д. 68. Л. 136.
- ³⁸ Там же. Ф. Р-431. Оп. 1. Д. 577. Л. 26–26 об.
- ³⁹ Марушевский В. В. Белые в Архангельске. С. 61.
- ⁴⁰ Северный фронт. 1918–1920: документы. М. 1961. С. 30; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 16. Оп. 1. Д. 34. Л. 31–38.
- ⁴¹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia. Vol. 2. Washington, 1932. P. 526; Long J. W. Civil War and Intervention in North Russia, 1918–1920: Ph. D. Thesis. New York, 1972. P. 217–218.
- ⁴² Smele J. D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996. P. 203–204; Pereira N. G. O. White Siberia: The Politics of Civil War. Montreal, 1996. P. 101–102.
- ⁴³ PRO. CAB/24/145. P. 104.
- ⁴⁴ Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны (1917–1921 г.). Ч. I. М., 1922. С. 25.
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 37. Л. 15–16.
- ⁴⁶ PRO. WO/106/1166.
- ⁴⁷ NAUS. RG120. File 32.15-A. P. 8.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Иванов А. А. Теория малых войн и деятельность британских спецслужб на Русском Севере в 1918 году // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 308–321.
УДК 343.342.1

Аннотация: Статья посвящена изучению истории вмешательства разведывательных и контрразведывательных органов Британской империи в процесс эскалации Гражданской войны на Русском Севере. Источниковую базу исследования составили отечественные и зарубежные архивные материалы, которые позволяют детально реконструировать процесс выбора секретными службами методов и средств осуществления интервенции в течение 1918 г. Специфические аспекты этого процесса позволяют пролить свет на причины последующих неудач британского военного вмешательства. Особое внимание уделено кадровой политике иностранных спецслужб и методике их работы в рамках теории малых войн Ч. Колвелла. В результате проведенного исследования установлено, что основным координационным центром при планировании и осуществлении интервенции на европейском севере России являлись британские секретные службы, а не военные структуры. Основной причиной этого была не только ситуация на Западном фронте Первой мировой войны, не позволявшая Военному министерству полноценно сконцентрироваться на проблемах Русского Севера, но и подверженность офицеров разведки стереотипам о внутрироссийских военно-политических конфликтах как противостояниях колониального типа. Это повлекло за собой неверную оценку ситуации в стране и регионе.

Ключевые слова: интервенция, Гражданская война, спецслужбы, разведка, Русский Север, Британская империя.

Сведения об авторе: Иванов А. А. — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины (Санкт-Петербург, Россия); bishop-1985@list.ru

FOR CITATION

Ivanov A. A. 'The Small Wars Theory and the Activities of British Secret Services in the Russian North in 1918', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 2, pp. 308–321.

Abstract: The article is dedicated to investigating the process of British Empire intelligence and counterintelligence structures' interference into the escalation of Civil War in the Russian North. The research is based on the materials from native and foreign archives, which allow to reconstruct the process of selection of intervention methods by secret services during 1918 in detail. Specific aspects of this process make it possible to shed light on the causes of the subsequent British military intervention failures. Particular attention is paid to the staffing policy of foreign special services and methods of their work in the framework of C. Callwell's "small wars" theory. As a result of the conducted research it was found that the main coordinating center in planning and implementation of intervention in the European North of Russia were to be British secret services but not military structures. The main reason for this was not only the situation on the Western Front of the First World War, which didn't allow the War Office to concentrate on the problems of the Russian North properly, but also the *stereotype vulnerability* of intelligence officers on Russian military-political conflicts as the confrontations of a colonial type. This led to an incorrect assessment of the situation in the country and the region.

Keywords: Intervention, Civil War, Secret Services, Intelligence, Russian North, British Empire.

Author: Ivanov A. A. — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State Academy of Veterinary Medicine (St. Petersburg, Russia); bishop-1985@list.ru

References:

- Baron N. 'Stolknovenie Imperiy: rossiysko-britanskie vzaimootnosheniya vo vremya interventsii soyuznikov na severe Rossii, 1918–1919 gg.', *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 6, 2011.
- Callwell C. E. *Small Wars: Their Principles and Practice* (Lincoln, 1996).
- Churchill W. *Mirovoy krizis* (Moscow, 1932).
- Documents of Soviet History*. Vol. 1. Ed. by R. A. Wade (Gulf Breeze, 1991).
- Footman D. *Civil War in Russia* (London, 1961).
- Goldin V. I. *Interventsiya i antibolshevistskoe dvizhenie na Russkom Severe. 1918–1920 gg.* (Moscow, 1993).
- Ignatiev V. I. *Nekotorye fakty i itogi chetyreh let grazhdanskoy voynyi (1917–1921 g.)*, Part I (Moscow, 1922).
- Kotlyar V. 'K voprosu o "gibridnoy voyne" i o tom, kto zhe ee vedet na Ukraine', *Mezhdunarodnaya zhizn*, no. 8, 2015.
- Kulikov V. 'Slavyano-britanskiy aviakorpus na Severe Rossii', *Aviamaster*, no. 1, 1999.
- Lockhart R. B. *Memoirs of a British Agent* (London, 1932).
- Lockley A. 'Propaganda and the first cold war in North Russia, 1918–1919', *History Today*, vol. 53, 2003.
- Long J. W. *Civil War and Intervention in North Russia, 1918–1920* [Ph. D. Thesis] (New York, 1972).
- Marushevskiy V. V. 'Belyie v Arhangelske', *Grazhdanskaya voyna v Rossii: Voyna na Severe* (Moscow, 2004).
- Maynard C. M. M. *The Murmansk Venture* (London, 1928).
- Millman B. *Pessimism and British War Policy, 1916–1918* (London, 2001).
- Mohs P. A. *Military Intelligence and the Arab Revolt: The First Modern Intelligence War* (London, 2008).
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia*, Vol. 2 (Washington, 1932).
- Pereira N. G. O. *White Siberia: The Politics of Civil War* (Montreal, 1996).
- Plotke A. J. *Imperial spies invade Russia: The British Intelligence Interventions, 1918* (London, 1993).
- Record of service of solicitors and articulated clerks with His Majesty's forces, 1914–1919* (London, 1920).
- Satia P. *Spies in Arabia: The Great War and the Cultural Foundations of Britain's Covert Empire in the Middle East* (Oxford, 2008).
- Severnyy front. 1918–1920: dokumenty*. (Moscow, 1961).
- Sheffy Y. *British Military Intelligence in the Palestine Campaign, 1914–1918* (Midsomer Norton, 1998).
- Smele J. D. *Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920* (Cambridge, 1996).
- Smuts J. C. *The League of Nations: A Practical Suggestion* (London, 1918).
- Svechnikov M. 'Soyuznicheskaya interventsia na Severe Sovetskoy Rossii so 2 iyulya 1918 po 1 oktyabrya 1919 g.', *Kto dolzhnik?* (Moscow, 1926).
- Willett R. L. *Russian Sideshow: America's Undeclared War, 1918–1920* (Virginia, 2003).